

СТИХИ.
М. 8014.0

К. Серозов

ПОЛТА ЦВЕТУЩИЕ

1926
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО —

95.

д.ч. 2238.

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ И СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

ИВ. МОРОЗОВ

М-801

ПОЛЯ ЦВЕТУЩИЕ

СТИХИ

ГРАВЮРЫ НА ЛИНОЛЕУМЕ
А. И. КРАВЧЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

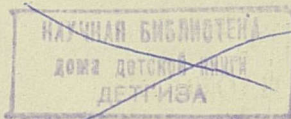
СТ
М.80.

24320

1957-58 г.

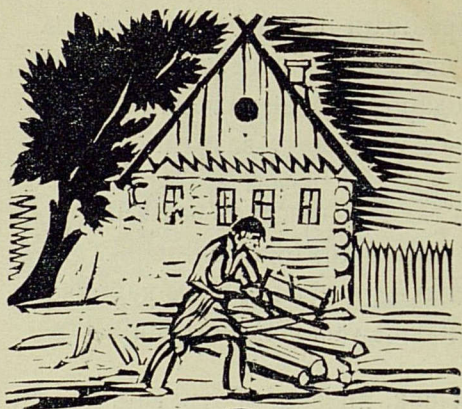
О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф,
Варварка, 32, в количестве
5000 экзempl., Гиз № 15289
Нижегород. гублит № 251

* * *

6425/2 рег.-кх

Российская государственная
детская библиотека

ПЛОТНИКИ

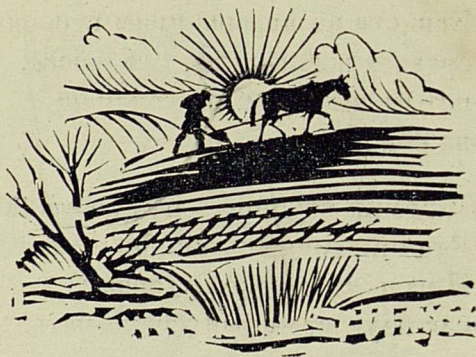
В движенъи радостном и скором,
воспламененные трудом,
под мощный гул одним напором
мы повалили старый дом.

Он в прошлом наспех был сколочен,
теперь он—гниль, теперь он—хлам,
в узорах желтых червоточин
по потолку и по углам.

Провисли балки, пол проломан,
и всё—в разбросе, всё—в пыли,
недаром тут немолчный гомон
мы до рассвета завели!

Вставай, заря, в тумане сизом
и новый дом наш осмотри:
с каким он солнечным карнизом,
с какой улыбкою внутри!

Высок, красив, обструган, ровен,
одно к другому дерева...
А эти кучи старых бревен
мы перепилим на дрова!..

ПАХАРЬ

На небе—полымя жар-птицы,
на травах—брызги хрусталя,
и синь прозрачная ложится
волнистой тканью на поля.

А я уж борозды нарезал,
взметал зеленую пустырь,
осеребрил свое железо
о черноземные пласты.

Как ловкий писарь вывел строчки,
сравнил всю пашню, как шоссе,
нет ни выбоины, ни кочки
на обновленной полосе!

И где ни ступишь—пух лебяжий!
Куда ни глянешь—ширь и гладь!
И радость сердце будоражит,
как плуг железный землю-мать.

Сомнений сброшены вериги,
и просветлело на уме,
когда земной великой книги
глубокий смысл уразумел.

Когда я понял, что крупницы
своих познаний и труда
на эти черные страницы
не бесполезно раскидал...

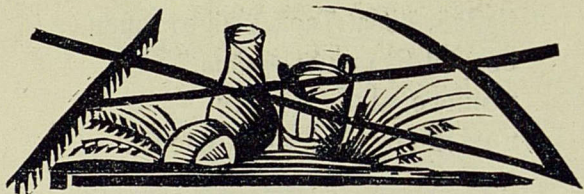
СЕЯТЕЛЬ

Иду—тону на пашне черной,
земля разделана, как пух...
Дождем весёлым брызжут зёрна
и разлетаются вокруг.

Могуче плечи держат ношу,
и грудь отрадою полна...
Я знаю—пò-пусту не брошу
в полях ни одного зерна.

Земля запеленает зёрна,
в глубоких недрах хороня,
и, солнцу радуясь, задорно
на пашнях вспыхнут зеленыя.

И соберу я жатву с поля,
свезу снопами на гумно,
за то, что пот горячий пролил,
что сеял свежее зерно.

КОСАРЬ

Гуляй, коса! Ныряй с размаху,
клади смелей саженный ряд!
Увидят красную рубаху, —
не так о нас заговорят!

Гуляй, коса! Удар размерен,
порыв мятежен и горяч,
степной ковыль росист и зелен,
и ярок праздничный кумач!

Гуляй, коса! Твой мыс отточен
острей булатного меча,
и много удали и мочи
в моей груди, в моих плечах!

Гуляй, коса! Простор не малый,
ныряй в траве, звени и режь,—
для нас зари румянец алый
очарователен и свеж!

Гуляй, коса! Клади с размаху
траву зеленую в ряды!
Увидят красную рубаху,—
оценят славные труды!

НА КОНЕ

Храпит мой мерин белоногий,
кусая воздух, свищет плеть,
а я готов хоть на дороге,
но лишь с разбегу умереть.

Лечу—скачу, не зная страха,
на всех парах, во весь опор,
пузырится моя рубаха,
взъерошивается вихор.

Махаю через буераки,
по колдобинам гоню,
и лают бешено собаки,
бросаясь под ноги коню...

Дробят копыта... Мерин взмылен,
клубится влажное тепло,
и робко пучеглазый филин,
нахохлясь, прячется в дупло.

А вихрь хватает пыль с откоса
и мечет храброму в глаза;
чего терять, когда я—босый,
без пояса, без картуза...

Чего робеть, когда я снизу
хочу облапить высоту,
когда я бурям бросил вызов,
и свистом горы пошатнул...

В ГОРОД

Пой, играй, моя гармошка,
я не пьяный, но хмельной...
Серебристая дорожка
извивается за мной.

Переливом, перебором
оглушу я все поля
и дойду с большим задором
до Московского Кремля.

От деревни до столицы
я тропинку проложу,
луговой медуницей
тротуары освежу.

И тряхну полой халата
и напому мостовой,
где растут укроп и мята,
окаймленные травой.

Где на солнце мак кровавый
пышет заревом весь день,
и вползает хмель кудрявый
по тычинке на плетень.

Где на грядках редька с луком
зеленеют без границ,
где ни грохотом, ни стуком
не пугают вольных птиц...

Пой, играй, моя гармошка,
громче трели выводи.
Шире к городу дорожка,
больше удали в груди!

Пой, играй и будь, как дома,
у товарищей в гостях,—
принесем мы чернозема
на онучах и лаптях.

Я к вам пришел из-под Рязани
на братский клич, на дружный зов,
с запасом песен и сказаний
родных приокских берегов.

Я к вам пришел, купаясь в росах,
ныряя в пуще ковыля,
где нарушал мой верный посох
вечерний скрип коростеля...

Еще не свеян дым овинный
ни с головы моей, ни с плеч,
и говор дедовский—старинный
вплетается в живую речь.

И свеж кумач моей рубашки,
и обувь лычная легка,
и лепестки душистой кашки
висят на полах армяка.

Я к вам пришел с лугов поёмных
на праздник воли золотой,
для вас принес я песен скромных,
согретых сердца теплотой.

Мы здесь в восторге небывалом
тесней ряды свои сомкнём,
чтоб в дружбе с камнем и металлом
слились цветы и чернозём.

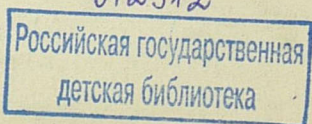

От сел до города расстелем
зеленобархатную гладь,
чтоб расцветить его и хмелем
ржаного поля напитать.

Пройдем толпой в весельи гулком,
с восторгом юным и живым,
по улицам и переулкам,
по многолюдным мостовым.

И буйных сил приливом свежим
вольёмся в накипь суеты,
и сердце города разрежем,
и камни уберем в цветы.

672512

Навеем запах земляничный
в растворы каменных громад,
и там, где дым навис фабричный,—
расплещем росный аромат...

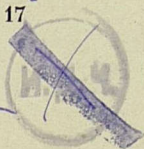
От наших сел мы в душный город
проложим новую тропу,—
и застучит рабочий Молот
в ответ крестьянскому Серпу!..

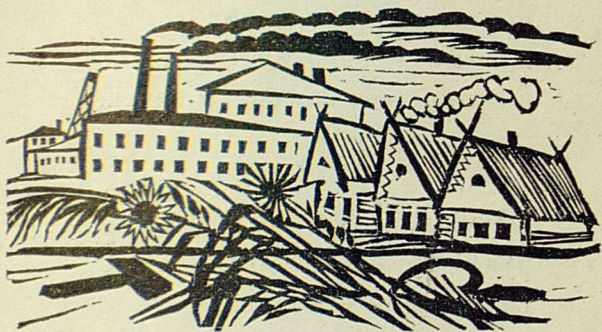
Шумный город тихим селам
руку дружбы протянул:—
по лесам, полям и долам
прокатился мощный гул.

И теперь уж без тревоги
на призыв его идет
по проселочной дороге
запоздалый пешеход.

С ним уж свыкся птичий гомон,
подружился шопот нив,—
словно им давно знаком он,
этот радостный призыв.

Словно стал он, гул обычный,
гулом песенно-живым,
примирая дым фабричный
с ароматом полевым.

СТЕПАН РАЗИН

Дремлет берег крутогрудый,
меркнет месяц над рекой...

Ну, причаливай, покуда
до рассвета далеко!

Чует сердце—будет схватка,
молодецкая борьба,—
не на шутку с Волгой-маткой
породнилась голытьба!

Меткой пулей, зычным кличем
остановим корабли,
чтоб богатую добычу
меж собою поделить.

Всё—и жемчуги, и ткани
мы поделим пополам,
пир отпразднуем в Казани
и отчалим к Жигулям.

Что-то сердце тоскует и плачет...
Волга, Волга—родимая мать,
ни слезы, ни печали казачьей
не придется тебе унимать.

Вот как спадают буйного хвата
да в Москву повезут на показ!
Мудрено ль,—ведь такие ребята
за столетье родятся лишь раз.

Понимайте, братцы, как хотите,
но не верьте лжи и клевете,—
не разбойник Разин, не грабитель,
он чужим не хочет богатеть!

Нет, за это я бы и не пролил
капли крови,—честью вам клянусь,—
я иду за землю да за волю,
за простую лапотную Русь!

Мать-земля дрожмя дрожит от стона,
мрак да темь — над каждою избой,
и пошел я от родного Дона
объявить разбойникам разбой!

Я давным-давно задумал, братцы,
эту думу и не без причин
стал и бить и грабить тунеядцев,—
это с них мы делаем почин.

Но еще есть враг у нас повыше,
всей Руси, как бают, голова,
чай, туда, где он живет и дышит,
донеслась о Разине молва.

Может быть, когда он полон страха,
у него мерещится в глазах:
лужей крови залитая плаха
и на ней—замученный казак.

У Степана есть и разум и сноровка,
но не хочет верить слухам из Москвы,
что давно уж приготовлена веревка
для казачьей головы.

Смел и буен! Взбаламутит всю ватагу,
только молвит:—Я ль—не старый воробей!
Коли делать,—так уж делать,—и ни шагу
не уступим,—хоть убей!

Что нам петля! Всунем шею: ну, мол, дергай,
да покрепче! Околеем—наплевать!
Не сробеем! А трусливому—и Волга
не кормилица, не мать!..

Не понапрасну мысль Степана
в сердцах горячих залегла:
народ очнулся от дурмана,
народ почувал мощь орла!

Дрожит, как заяц, царь в палатах,
терзает страх кичливых бар.
— Идем на них! Валяй, ребята,
по этой нечисти ударь!

Не нам бояться всякой мрази,
не нам страдать в родном краю!
Не пожалеет буйный Разин
за правду голову свою!..

Не нынче—завтра будет драка,—
иль наше счастье, иль провал,
но пусть узнает царь-собака,
что рать мою—не кот наплакал,
что сам Степан—не трын-трава!

Пусть он себя мечтою тешит:
кнутами вольницу унять,—
но не придется перевешать,
всех удалцов перестрелять!

Их не один, а миллионы,
ведь их все больше с каждым днем,
и с ними мы не то что троны,
а целый мир перевернем!

Не звать—не кликать Стеньке голытьбу!
Прости-прощай, разгульные казаки:
ведут на казнь к позорному столбу,
и радуются царские собаки.

Казнить злодея—вот и весь их суд...
Палач топор свой держит наготове...
Смотри, народ, как голову снесут,
прольют поток казацкой буйной крови!..

Хоть не довел он дела до конца,
но все-таки сдается атаману,
что есть и будут чуткие сердца,
которые добром его вспомнят.

Их голоса заглушат голос лжи
и возвестят всему людскому роду:
— За волю Разин голову сложил,
умел Степан бороться за свободу!..

